

Эдвард Радзинский

Беседы с Сократом

*Часть сборника
Загадки любви*

Эдвард Радзинский
Беседы с Сократом

«АСТ»

Радзинский Э. С.

Беседы с Сократом / Э. С. Радзинский — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-046790-7

«Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифиец, против Сократа, сына Софрониска из дома Алопеки. Обвиняю Сократа в том, что не признает он богов, которых признает город, что создает он других богов. Обвиняю Сократа в том, что развращает он молодежь. Требуемое наказание – смерть...»

ISBN 978-5-17-046790-7

© Радзинский Э. С.

© АСТ

Содержание

Пир	5
Суд	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдвард Радзинский

Беседы с Сократом

Пир

Афины. Около полудня.

Молодой человек с поспешными движениями, длинноволосый и в грязном хитоне, выкрикивает слова: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифиец, против Сократа, сына Софрониска из дома Алопеки. Обвиняю Сократа в том, что не признает он богов, которых признает город, что создает он других богов. Обвиняю Сократа в том, что развращает он молодежь. Требуемое наказание – смерть».

Афины. Ночь. Пир в доме Продика, богатого афинянина. На ложах в венках возлежат хозяин дома **Продик**, **Сократ** и ученики Сократа – **Первый** и **Второй**.

Сократ плешив, уродлив. Ему семьдесят лет, но это семьдесят лет без всяких следов дряхлости.

Хозяин дома Продик тоже немолод, но очень красив – лицо Зевса с греческой скульптуры.

В продолжение пира Продик почти все время молчит, внимательно слушает речи гостей и жестаи руководит рабами, наполняющими чаши вином.

Второй (*декламирует*). Ладана сладостный дым. Амфоры с вином открыты. Запах веселый вина разлился. Золотистый хлеб. Янтарный мед. Сыр молодой. И украшен цветами жертвенник. Пир! Пир!

Продик. Как будем пить: для веселья или для оживленной беседы?

Первый. «Мы не скифы. Не люблю, о други, пьянства я бесчинного – нет, за чашей я пою иль беседую невинно...». Послушаем поэта и предпочтем хмелю радость беседы с Сократом.

Сократ (*счастливо*). Как хорошо, что мы вместе. Поблагодарим нашего хозяина Продика. Вчера я встретил его у рынка, и он пригласил меня на этот пир...

Продик. Так было.

Сократ. А сегодня после полудня я понял, что устами Продика нас созвала сюда судьба. Я счастлив, что эту ночь я проведу в беседе... за чашею... и с вами.

Первый. А что случилось в полдень, Сократ?

Сократ. Не спеши. Черед настанет. А сейчас... (*Задумался.*)

Продик. Мы старые друзья, Сократ. Я рад, что угодил тебе и твоим ученикам.

Первый (*четко*). У Сократа нет учеников, Продик. Он – противник этого слова. Он называет всех нас «беседующие с Сократом».

Второй. Посвятим эту чашу Продику. (*Пьет.*)

Сократ (*ласково Второму*). Как хорошо, что ты все время улыбаешься, Аполлодор. На тебя радостно смотреть. Ты знаешь, когда я увидел тебя впервые, мне перед этим как раз приснился сон. Мне приснилось... приснилось...

Первый (*четко, будто читая наизусть запись*). Сократу приснилось, что ему на грудь сел голубь и сладостно ворковал.

Сократ. Да-да. И когда явился ты – я сразу понял, что полюблю тебя. (*Помолчав.*) Я хочу, чтобы сегодня каждый из вас спросил меня о важном.

Первый (*насмешливо*). О важном тебя хочет спросить юный Аполлодор.

Второй (*указывая на Первого*). Он все время толкует, Сократ, что ты презираешь удовольствия и учишь...

Сократ (*в тон, шутливо*). Не верь старикам, Аполлодор, когда они рассуждают об удовольствиях. Веселись, покуда юн. Познавай себя. Но старайся делать выводы.

Первый (*насмешливо*). Сократ утверждает, что познать себя можно только через окружающих. Видимо, этим и занимался наш юный Аполлодор вчера в доме гетеры Гарпии.

Второй. Сократ! Сократ! Что мне делать, я все время влюблен! «И танцевать опять зовет нас бог...». (*Шутливо*.) Но как мне научиться делать выводы из посещений дома прекрасной гетеры Гарпии? (*Пьет*.)

Сократ (*улыбаясь, шутливо*). И это возможно, Аполлодор. Говорят, Гарпия очень богата?

Второй. Да! Да!

Сократ. Может быть, у нее есть стада коз, жизнелюбивый Аполлодор?

Второй. Нет! Нет!

Сократ. Может быть, у этой гетеры есть стада баранов, лицеблещущий Аполлодор?

Второй. Ничего такого у нее нет.

Сократ (*лукаво*). Тогда откуда же у нее богатство?

Второй (*горестно*). От поклонников, Сократ.

Сократ. Тогда тебе следует сделать вывод, что иметь стадо поклонников не менее выгодно, чем стадо баранов. Или предположить, что для гетеры Гарпии поклонники как бы заменяют сразу баранов и коз... Веселись, наш счастливый друг. Но пройдет юность, и вспомни: кто провел всю жизнь в удовольствиях, у того остаются под старость только воспоминания тела. Разум не взрослеет, и душа не вырастает. И он ощущает, будто совсем и не жил. Что он все тот же мальчик, которого почему-то называют старцем. И ему страшно умирать.

Первый лихорадочно записывает речь Сократа.

Второй (*проводярукой по лицу*). Это все пройдет?

Сократ (*усмехаясь*). И это пройдет.

Второй. Я не хочу! Сократ, мне не стать мудрецом! Но я так люблю тебя слушать.

По знаку Продика раб наполняет чаши.

(*Рабу*.) «Звонче лей вино, мальчик, чтобы помнилось, что пил...». Эту чашу я дарю тебе, Эрос, бог любви, бог пробегающей молодости, бог...

Входит Анит, влиятельный гражданин Афин.

Анит. Мир твоему дому, Продик. Пусть простят, что я пришел незванный.

Продик. Мы всегда рады тебе, Анит. (*Рабу*.) Омой ноги Аниту и помоги ему возлечь.

Анит с помощью раба укладывается на ложе.

Анит. Я счастлив видеть всех... и особенно тебя, мудрейший из афинян!

Сократ. Неловко называть меня мудрейшим в твоём присутствии, Анит. Моя мудрость – плохонькая, ненадежная. Она – как эфир струящийся между пальцев. Твоя же...

Анит. Я благодарен тебе, щедрый Сократ. И оттого мне особенно горестно сообщить тебе...

Сократ (*поспешно*). Эта горесть от нежности твоей души, Анит. Но ты умеришь ее, потому что я уже... знаю твою весть.

Анит. Но...

Сократ. Не будем портить пир. (*Весело.*) Итак, мы внимаем юному Аполлодору, который хочет восславить бога любви. Говорят, что наш Аполлодор преуспел в деяниях во славу этого бога, а слушать сведущего – всегда полезно.

Второй. Какую весть, Сократ?

Сократ (*мягко*). Ты хотел описать нам Эроса, юноша. Начинай. Второй. Прежде всего Эрос – нежнейший из богов. Ведь он ступает не по земле, а по сердцам – и неслышно водворяется в них. Но не во всех сердцах подряд, а только в самых нежных. Встретив суровое сердце, он бежит от него прочь.

Сократ слушает, блаженно закрыв глаза.

Я бы еще добавил, что Эрос – самый своенравный из богов, ибо он уходит от нас столь же внезапно, как и приходит. Он делает это так неслышно... так незаметно... как...

Анит. Как афинские сыщики, Аполлодор.

Сократ (*не открывая глаз*). Я услышал голос Анита, и мы уже спешим насладиться его беседой.

Анит. Я – кожевник, Сократ. Я всегда занимался делом, а не болтовней и вряд ли смогу усладить ваш слух. Но, согласно здравому смыслу, я бы отметил, что Эрос, как бог любви, наверняка любит красоту. И, конечно, Эрос прежде всего не нежен, а он – красив. Он прекрасен! Ион отрицает всякое уродство и... ненавидит его.

Молчание.

Сократ (*провел рукой по лицу, захохотал*). И он не позволяет уродам рассуждать о нем, так, Анит?

Молчание.

Ну что ж, думаю, мы согласимся с мудрейшим Анитом в том, что бог любви Эрос особенно любит красоту, что он вожделеет к красоте, как сказал поэт... Значит, нам остается только проверить, так ли красив сам Эрос, как подсказывает здравый смысл блистательному Аниту... Исследуем. Итак, Эрос – бог любви. Но любви вообще не бывает. Бывает только любовь к чему-то и к кому-то. Не так ли, Анит?

Анит. Это так, Сократ.

Сократ. Тогда еще вопрос. Вожделеет ли любовь?

Все. Конечно!

Сократ. Тогда еще вопрос, совсем уже ясный: когда любовь вожделеет – когда она уже обладает предметом страсти или когда еще не обладает?

Анит (*медленно*). Когда не обладает, скорее всего...

Сократ. И опять ты прав. Действительно (*взглянул на Продика*), зачем кудрявому вожделеет о кудрях – о них мечтает плешивый.

(*Взглянул на Второго.*) Зачем молодому желать молодости, а мудрому (*обращаясь к Аниту*) – мудрости? Итак, мы все вожделеем о том, чего лишены. Значит, если Эрос, как уже заявил нам Анит, так вожделеет к красоте – значит?.. Значит, согласно нашим рассуждениям, Эрос?.. Смелее, Анит!..

Анит (*глухо*). Лишен красоты.

Сократ. Да, это так, Анит, пленивший нас мудростью! Эрос – уродлив... Именно поэтому наши деды говорили, что сей бог любви был зачат в день рождения Афродиты: бог изобилия Порос отяжелел от вина и улегся на ложе и заснул. И богиня нищеты Пеня в скудости своей прилегла к нему. И родился от них Эрос – бог любви. Как сын своей матери, он груб, неопрятен и необуздан. Но как сын своего отца, он тяготеет к прекрасному, совершенному. Он храбр, силен, изворотлив и непрестанно строит козни. И все, что он приобретает, идет прахом у сына Пеня... Но главное, как мы выяснили сейчас, Эрос – уродлив. Он так уродлив... С кем бы его сравнить?.. Ну помогайте, друзья мои... Ну конечно, с Сократом, так он уродлив! Вот видишь, Анит, Сократ имеет отношение к любви, а не только к смерти, о которой ты пришел ему возвестить!

Движение учеников.

Анит. Завтра суд, Сократ.

Сократ. Меня обвинил пифиец Мелет, но я не знаю такого.

Анит. Мелет обвинил тебя в полдень. После полудня тебя обвинил философ Ликон (*усмехнулся*), «старец, ясный умом». Он требует твоей казни от имени старейших людей города... Но и это еще не все, Сократ. От имени людей дела тебя обвинил... (*Замолчал.*)

Сократ. Я понял, Анит.

Анит. Тебя обвинил я.

Второй вскакивает с ложа, но Первый удерживает его.

Есть возможность спастись, Сократ.

Сократ. Как это сделать, Анит?

Анит. Ты дашь клятву не вступать в беседы с молодыми людьми. Твои беседы отвлекают их от дела, скажем так.

Сократ. Я легко дам такую клятву. Но до каких пор мы условимся считать человека молодым?

Анит. Ну хотя бы до тридцати лет, Сократ.

Сократ. Ага, значит, у каждого, кто обратится ко мне с вопросом, я должен буду узнавать сначала, сколько ему лет. А вдруг он соврет или введет меня в заблуждение? Ведь ты знаешь, Анит, у нас в Афинах старцы так похожи на младенцев...

Анит. Я упрошу твою задачу Сократ. Ты поклянешься вообще не заниматься философией.

Сократ. Я понял. (*С необычайной резвостью он вдруг бросается на Анита и хватается его за нос.*)

На мгновение Анит опешил, но потом швыряет Сократа обратно на ложе.

Ученики бросаются на Анита.

Сократ (*криком останавливает их*). Не мешайте беседовать! (*Как ни в чем не бывало, сочувственно.*) Было трудно дышать, Анит?

Анит (*спокойно*). Именно так, Сократ.

Сократ. Боги определили тебе дышать в этом мире, а мне заниматься философией. Почему у тебя нельзя отнять дыхание, а у меня можно?

Анит (*встал*). Прошла треть ночи, Сократ, я иду спать. До встречи на суде!

Первый (*переставая записывать, Аниту*). Но в Афинах не судят философов.

Анит (*оборачиваясь*). Сократ – мудрейший из философов, и он заслуживает особой участи.

Продик. Я провожу. (Уходит вслед за Анитом.)

Второй (*вскакивает*). Я убью его.

Сократ. За что? Все, что он совершает, это от незнания. Человеческая природа добра. Если бы все были просвещенны, зло исчезло бы. Например, если бы Анит умел правильно рассуждать, разве он желал бы моей смерти? Что может принести смерть тому, кто открывает истину? Стоит убить глаголющего истину, и тотчас людей охватывает любопытство к его вере и уважение к ней. Потому что нет ничего прочнее и притягательнее того, за что пролита кровь. О, частый путь истины: сначала все кричат – долой ее! – и убивают произносящего ее. Потом воскрешают эту истину и привыкают к ней. А потом говорят: «Ну, это нам всем уже давно известно!»

Первый (*медленно*). Я понял.

Второй. Я хочу, чтоб ты жил, Сократ.

Продик (*возвращаясь*). Сократ, что же делать?

Сократ. Пить! И славить тебя, собравшего нас в эту благую ночь. (*Выпивает чашу. Первому.*) И еще... я не открывал законов бытия, как другие философы. Я только исследовал поведение человеков. Я пытался разобраться, как надо вести себя людям в тех или иных случаях. И поэтому все, что я высказывал, будет нуждаться в постоянной проверке и сомнении... И сомнении! Ибо меняются и времена и человек. И оттого могут меняться и рассуждения о нем. Поэтому я никогда не дерзал записывать свои беседы. Поэтому мне так не нравятся твои записи. Вы все должны запомнить главное:

«Едиственное, что Сократ знал окончательно, – это то, что он ничего не знал окончательно». (*Выпивает чашу.*)

Второй. Не надо. Ты будто прощаешься с нами.

Появляется Ксантиппа, жена Сократа. Она еще молода.

Сократ (*сразу меняясь, почти заискивающе*). А к нам пришла Ксантиппочка.

Ксантиппа (*передразнивая*). К нам пришла Ксантиппочка. Мы не ложимся спать. Мы ждем полночи этого почтенного старца, этого плешивого урода...

Сократ (*шепотом*). Мы тут не одни, Ксантиппочка.

Ксантиппа (*заводясь*). Им что! Они подрыхнут до полудня, а ты голос пропешь, хрипеть завтра будешь! Или, может быть, ты решил проиграть суд, преспокойно умереть и оставить меня с тремя детьми? Сначала обеспечь семью, а потом умирай сколько твоей душе угодно! Домой! Спать!

Сократ. Сейчас мы допиваем последние чаши...

Ксантиппа. Одну чашу...

Сократ (*шепотом*). Это невежливо. Я должен выпить за всех. За почтенного хозяина, за... (*Остановился, громко.*) Но прежде всего я должен выпить, друзья мои, за эту женщину. Вот – истинная жена философа. После нее все кажется в жизни легким и радостным. Заметьте, как только она появилась, мы сразу забыли о завтрашнем суде. Он нас не страшит! (*Первому.*) Едиственное, что я прошу тебя записать: жена Сократа была сварлива. За это его пожалеют больше, чем за любую смерть. (*Пьет.*)

Ксантиппа. Сократ, ты мне не нравишься. Домой! Продик, помогите мне. (*Кричит.*) Геракл, зажигай факел!

Сократ (*чуть опьянел*). Я не хочу Продика! (*Кивнул на учеников.*) Пусть идут они.

Ксантиппа. С ними ты будешь по дороге болтать до утра! Спор закончен. (*Кричит.*) Геракл!

Сократ. Хорошо! Тогда напоследок мы споем песню!

Ксантиппа. По-моему, я сказала...

Продик (*мягко, с вибрирующими интонациями*). Ксантиппа...

Ксантиппа (сразу смягчаясь, кокетливо). Ну хорошо, спойте песню. Только он петь не будет. (*Сократу.*) Тебе завтра выступать, ты охрипнешь. (*Ученикам, строго.*) Пойте, и быстрее.

Второй (*поет*). «К чему раздумьем сердце мучить!

Сократ, шевеля губами, беззвучно, но страстно подпевает.

...Предотвратим ли думой грядущее? Вино из всех лекарств самое лучшее. Самое лучшее!.. Напьемся же пьяны!»

Ксантиппа. Кончено! Геракл!

Входит Геракл, крошечный раб Сократа, с факелом.

Сократ (*обнимая его*). Милый Геракл... Какую хорошую песню я пел...

Ксантиппа. Сократ, ты мне окончательно не нравишься! Обопрись о Геракла.

Сократ (*Первому*). Как я сказал о ней?

Первый. Ты много о ней говорил. Например, Иону из Эфеса ты сказал: «Истинный наездник выбирает необузданную лошадь». А Диоклу из Фив...

Сократ (*смеется*). Он все знает... Зачем я?

Ночь в Афинах. В доме Фрасибула, одного из правителей Афин. Анит и Фрасибул. Фрасибул стар – иссеченое шрамами лицо воина.

Анит (*продолжая разговор*). Мне тоже жаль Сократа. Но каждый день по городу разгуливает этот старец и терзает горожан своими поучениями о недостижимых добродетелях. Ежечасно он подвергает сомнению несомненные истины. Мудрейшие и почтенные афиняне в беседах с ним чувствуют себя глупцами, – согласись, Фрасибул, это раздражает... Можно, конечно, отнестись к этому с юмором и добродушием. Но юмор и добродушие – удел благополучных времен. Афинский народ обозлен войной и поражением. Нервы у людей сдают. Кроме того, его влияние на молодежь...

Фрасибул. Не кричи так!

Анит. Кроме того, можно легко домыслить, что Сократ ставит человеческий разум выше афинских богов. А было бы очень полезно именно сейчас поддержать наших богов. Защита святых всегда дисциплинирует и поднимает авторитет. А в наше время...

Входит Мелет.

Это Мелет – пифиец, он обвинил Сократа.

Мелет (*сусмешкой*). Время ночное. Опустим длинное приветствие и сразу к делу, отцы города.

Анит. Что ты хочешь за... это?

Мелет. За что, стыдливый Анит?

Молчание.

Хорошо. Итак, за то, что я обвинил старика, с которым незнаком... За то, что я пушу в дело все красноречие поэта и в ярких красках опишу, как портит он молодежь своими поуче-

ниями... и стану трясти при этом длиннохвостой головой, как доказательством своего падения... и еще рыдать, как женщина... Что я хочу за это?

Анит. Учти, Мелет, казна Афин разорена...

Мелет (*хохочет*). Бережливые отцы, мне не нужны ваши деньги. Я – урод, я нездоров. Я не склонен к шумным пирушкам, и друзей у меня нет. Я – свободен. Свободен от всего – от друзей, от здоровья. Принадлежу только себе и вслушиваюсь только в свои желания и удовлетворяю их. Но я поэт.

Анит (*Фрасибулу*). Он действительно поэт.

Мелет. И как все поэты, я желаю поклонения. Представляете, я презираю всех, плюю на всех... и все-таки желаю любви всех. Потому что я поэт. Здесь моя западня. И я решил: вы дадите мне право сочинить гимн Аполлону – гимн, который от имени Афин повезет священное посольство в Дельфы.

Фрасибул схватился за меч, но удержался.

Вы прикажете священному хору, который наверняка уже вытвердил какие-нибудь вирши покойника Софокла или сладкозвучную рухлядь истлевшего Гомера, забыть всю эту дребедень и выучить то, что сочиню я. Мне нужна слава, и вы мне ее дадите за это.

Анит (*помолчав*). Мы согласны, Мелет. Хор стоит на Акрополе у стены Кимона. Официально мы объявим о твоём назначении после приговора Сократу.

Мелет. Я повторю. У меня нет ничего и никого. Мне нечего терять. Если вы не сдержите слова...

Анит. Мы у тебя в руках, Мелет. До завтра!

Мелет уходит.

(*После паузы.*) Все в воле богов, Фрасибул. И кровавая смерть и могучая участь.

Фрасибул. Ступай с миром, Анит. Я становлюсь стар. Устал. Спокойной тебе ночи.

Ночь в Афинах. Сократ идет домой, опираясь на раба Геракла, несущего факел. Сзади идут Продик и Ксантиппа. Продик чуть обнимает Ксантиппу, и та льнет к нему. Вдруг Сократ останавливается и садится на землю.

Ксантиппа (*бросаясь к нему, испуганно*). Сократ, что с тобой?

Сократ (*он пьян*). Мне хорошо, Ксантиппа. Мне сейчас так хорошо! Я рад, что я на тебе женился. Рад, что прожил семьдесят лет. Хорошо! Хорошо – просто идти. Хорошо – никуда не торопиться. Хорошо – сесть посреди дороги, подставив голову ветру. (*Спокойно.*) Ксантиппа, больше этого никогда не будет.

Ксантиппа (*вдруг нежно*). Ну что ты, Сократ. Милый, ведь ты самый мудрый. Все так говорят. Вот и Продик так говорит. А он – важный человек. (*Поднимая Сократа.*) Сократ, пусть нам хоть раз в жизни принесет пользу твоя мудрость. Защитись, пожалуйста, завтра в суде. Хорошо? (*Продик.*) Ведь нам ни разу его мудрость не приносила пользу! Ни разу! Ни драхмы!

Сократ (*удовлетворенный*). Ни разу! (*Рабу.*) Вперед, Геракл, несущий свет! Ты скоро будешь свободен! Я завещаю, Геракл...

Ксантиппа. Продик, он опять! (*Сократу.*) Только посмей проиграть завтра суд. Я тебя не пушу домой! Я к тебе привязалась... Я к нему привязалась, Продик... Я родила тебе трех сыновей.

Продик грубо ее обнимает.

(Сразу все забыв, воркующим шепотом.) О Продик! *(Идет.)*

Сократ *(оборачивается, видит объятие)*. Я пьян или я не пьян?

Ксантиппа. Ты пьян и не останавливайся.

Сократ. Нет, я хочу все-таки остановиться и уяснить, зачем здесь Продик?

Продик. Я провожаю тебя и Ксантиппу.

Ксантиппа. Зачем ты ему объясняешь? Что он, слепой, сам не видит?

Продик. Я твой старый друг, Сократ.

Сократ. И ты решил на этом основании обнимать плечи красавицы Ксантиппы? Давай исследуем, можешь ли ты сделать это, если ты мой старый друг? *(Рабу.)* Геракл, ступай в дом и принеси мою пику. Мою длиннотенную пику. Сейчас я поражу Продика.

Ксантиппа. Старый пьяница! Человек вызвался проводить! Человек твой старый друг...

Сократ *(покорно, лукаво)*. Шучу... Продик – мой старый друг. Все шутка. А ты обмер, Продик. Ну какая пика? Что я, Гектор? Мне семьдесят лет. Размышления состарили меня, и мне вряд ли ее поднять. А ты не огорчал себя мыслями и оттого будешь вечно юн – рассудком по крайней мере. И когда тебе стукнет семьдесят лет, ты грозно спроси у судьбы: «За что?» Ну ладно, ступай домой... Да, на прощание скажи, Продик... старый друг Продик... Кто же сообщил Аниту, что я буду сегодня в твоём доме? Или не так: кто попросил моего друга Продика устроить этот пир?

Продик. Сократ! Неужели ты думаешь...

Сократ. Что ты, я ничего не думаю... Но я хочу, чтобы тот же человек сообщил тому же Аниту... что Сократ все исследовал и окончательно понял в эту ночь... в эту прекрасную ночь свободы... в эту последнюю ночь свободы... Что же он понял, Сократ? *(Шепотом.)* Что его смерть *(засмеялся)* – благо!

Суд

Афины. Утро. Дворик у дома Сократа. **Сократ** неподвижно стоит с одной сандалией в руке, другая сандалия – на ноге. Появляются **Первый** и **Второй**.

Второй. Сократ! (*Кричит.*) Сократ! Сократ, пора! Сократ! Первый. Бесполезно. Сократ задумался.

Второй. Это надолго?

Первый. Когда как. Например, после битвы при Потидее он простоял задумавшись всю ночь. Он погружается в сосредоточенность, как в волны, и тогда, в тишине, внутри него начинает звучать голос, который советует ему, как поступить. Так он объяснял Хариту из Эфеса.

Второй (*не теряя надежды*). Сократ! Сократ! (*Вздыхнул.*) Идем вперед и обождем его у ограды суда.

Ксантиппа (*слышен ее голос*). Сократ! Пора в суд! Сократ, ты уже надел сандалию? (*Появляясь, яростно.*) Мысли его великие посетили! (*Наливает в чашу воды и обливает Сократа.*)

Сократ (*выходя из задумчивости, как ни в чем не бывало*). Кажется, пора в суд, Ксантиппа?

Ксантиппа (*передразнила его*). Пора. Ты знаешь, который час?

Сократ заспешил.

Надень сандалию. Куда ты! Не на ту ногу! На ту уже надел. О боги, о мое несчастье! (*Кричит.*) Лампрокл, Софрониск, Меликсен, идите провожать отца! Бедные мальчики, они с утра рыдают. (*Кричит.*) Лампрокл, Софрониск, Меликсен! (*Уходит, потом возвращается.*) Эти мерзавцы убежали в порт глазеть на корабль священного посольства. Сколько раз я им запрещала. (*Кричит.*) Геракл! Геракл!

(*Уходит, возвращается.*) Один раб в доме, и тот прохвост. Он ушел глазеть вместе с ними. (*Грозно.*) Ты еще не надел сандалию?

Сократ (*торопливо обувается, не без хитрости*). В гневе ты еще прекраснее, Ксантиппа. Твоя красота...

Мелет (*пробегая мимо дома*). Простите, почтеннейшие, это путь на Рыночную площадь?

Ксантиппа (*лениво-кокетливо*). А вы не в суд, случайно? Мелет. В суд, девушка.

Ксантиппа (*опять кокетливо*). Ну что вы, какая я девушка. Даже неудобно как-то... (*Оглядев Мелета и сразу потеряв к нему всякий интерес.*) Молодой человек, помогите дойти этому кроткому старцу. Ему тоже в суд. Поддержите его за плечо и, главное, проследите, чтобы он не задумывался по дороге и не потерял сандалию. (*Целует Сократа.*) Иди осторожнее. Смотри по сторонам – теперь по дорогам развелось столько всадников. (*Нежно.*) Чудовище! (*Шепотом.*) И только не задавай на суде вопросов. Помни, что это раздражает. Я знаю по себе. И пусть помогут тебе боги! (*Падает на колени, поднимает руки к небу.*) О боги, помогите Сократу!

Сократ и Мелет бегут по улице.

Мелет. Только следите, чтобы я не сбился с дороги, а то я недавно в Афинах.

Бегут.

А зачем вам в суд?

Сократ. Я раздумывал над этим целое утро... А зачем вам, молодой человек?

Мелет. Я иду обвинять Сократа.

Сократ. Сократа?

Мелет. Сократа!

Сократ. А что же он вам сделал дурного?

Мелет. Ничего. Я даже с ним незнаком. Просто мне с детства надоело, что все называют его мудрейшим.

Сократ. Я понимаю, это может надоест.

Афины. Акрополь, у стены Кимона. Хор священного посольства в Дельфах.

Корифей хора – немолод, с курчавой бородой и короткими седыми кудрями. **Первый актер** – юноша, почти мальчик. В то время как хор, руководимый Корифеем, совершает свои молчаливые передвижения, **Первый актер** начинает облачаться: он надевает котурны, перчатки, удлиняющие руки, затем толщинки и поверх всего – белый хитон. Потом он надевает маску и вставляет в рот глиняный резонатор, чтобы звук был торжественным и гулким.

Актер (*пробует голос*). Ой – йя... Эй – йя...

Корифей (*Хору*). Мы стоим на холме. Над площадью, где судят мудрейшего из греков. Мы сейчас, как великие боги, которые глядели с высот на битву троянцев с ахейцами. И смерть, и победа, и зубы, грызущие прах, – все зрелище. И актеры торопятся отыграть свою сцену.

Актер. Обвинители закончили свои речи, и время отвечать Сократу.

Появляются Мелет, Анит и Ликон – древний старец. Ликон только что закончил чтение обвинительной речи. Он садится и тут же засыпает. Вперед выходит Сократ. Хор отступает назад, образуя толпу афинян. Справа появляются ученики Сократа – среди них Первый и Второй.

Ропот толпы: «Сократ, отвечай, Сократ!»

Сократ молчит.

Второй. Мне страшно.

Первый не отвечает ему. Ропот толпы.

Сократ. Сначала я хочу задать вопросы обвинившим меня.

Анит. Вопросы ты будешь задавать своим ученикам. Здесь будут спрашивать тебя. Здесь суд, Сократ.

Сократ. Чтобы иметь учеников, надо быть очень мудрым, Анит. Я не знаю за собой подобного качества. Поэтому у меня нет учеников, а есть только – беседующие с Сократом... Афиняне! Вся моя жизнь протекла в этих беседах: я задавал вопросы вам и всегда был готов ответить на любой из ваших вопросов. Позвольте мне не изменять себе и в этот день.

Голоса из толпы (*довольные его смирением*). Пусть спрашивает!

Сократ. Спасибо, сограждане. (*Мелету.*) Ты обвинил меня, пифиец Мелет. Но я хочу спросить тебя: давно ли ты меня знаешь?

Мелет (*насмешливо*). Очень давно, Сократ.

Сократ. Ты уверен, Мелет, что сейчас ты всех нас ловко обманул. Но ты сказал правду. Ты знал меня очень давно, с рождения. И все вы – тоже.

Ропот толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.